

ГЛАВА 1

— **Л**идия!
Имя жены отдалось эхом над съеденными темной ступенями, но еще за секунду до этого Джеймс Эшер понял: что-то случилось.

Дом был тих, но отнюдь не пуст.

Прислушиваясь, замер в темной прихожей. Наверху, за поворотом неосвященной лестницы, — ни звука. И толстуха Элен не спешит, выбравшись из дальней двери, принять черную оксфордскую мантию и квадратную шапочку хозяина. Судя по пронизывающему холоду осенней ночи, наполнявшему дом, огонь сегодня не разжигали. Обычно Эшер не обращал внимания на приглушенный грохот посуды, доносящийся из кухни, где хозяйничала миссис Граймс. Теперь же его отсутствие оглушило подобно колокольному звону.

Случись такое шесть лет назад, Эшер без колебаний ступил бы за порог, готовый к любой опасности, — поведение, несколько неожиданное для скромного преподавателя Нового колледжа. Однако Эшер в течение долгих лет тайно участвовал в том, что принято уклончиво называть Большой Игрой, занимаясь вроде бы невинным делом: сбором филологического материала в оккупированной англичанами Претории, в вельде среди буров, при кайзеровском дворе в Берлине, а то и на заснеженных улицах Санкт-Петербурга. Но, даже выйдя из Игры, он отчетливо сознавал, что его-то самого Игра никогда не оставит.

Какую-то секунду он колебался. Вне всякого сомнения, Лидия была там, в доме.

Затем бесшумно (если не считать шелковистого шороха его просторной мантии) он отступил за порог — в сырой туман, покрывавший даже ступени крыльца. В доме была опасность, но Эшер не чувствовал страха. Им владело лишь холодное бесшешество. Что бы там ни происходило, в эту историю были втянуты Лидия и слуги.

Если они посмеют к ней прикоснуться..

Кто «они»? Этого он пока еще не знал, но семнадцать лет секретной службы на благо королевы (ныне — короля) подарили ему пугающий избыток возможностей.

В скрадывающем звуке тумане он пересек мощенную булыжником Холиуэлл-стрит и возле темной стены колледжа выждал, прислушиваясь. Те, в доме, кем бы они там ни были, наверняка слышали его зов. Следовательно, тоже выжидали..

Лидия, догадываясь о многом, — давно, еще в те годы, когда она, шестнадцатилетняя школьница, играла в крокет с молодым коллегой своего дяди на обширных лугах, принадлежащих ее отцу, — однажды спросила, каким это образом Эшер избегает провала в своих заграничных вояжах.

— Я имею в виду, когда все вскрывается и обнаруживается, что похищены секретные документы, вы ведь находитесь там..

Он рассмеялся и сказал:

— Ну, во-первых, секретные документы не похищаются, они лишь аккуратно копируются. А что до остального, то лучшая защита — это казаться человеком, которому просто не пристало этим заниматься.

— Это здесь вы кажетесь таким.

Огромные светло-карие глаза изучали его сквозь очки в стальной оправе. Тоненькая агрессивная девчонка в ту пору еще только начинала превращаться в нежную хрупкую

девушку. В присутствии молодых людей, которые уже обращали на нее внимание, Лидия очков не носила, умудряясь играть в крокет вслепую и угадывать содержание меню. А вот Эшера она вроде бы совершенно не стеснялась. В скромной хлопчатобумажной блузке, с красно-голубым школьным галстуком, с длинными рыжими волосами, спутанными изменчивым ветром, она напоминала голенастую болотную фею, безуспешно пытающуюся притвориться английской школьницей.

— А трудно превращаться из одного человека в другого?

На секунду он задумался, затем покачал головой.

— Все равно что влезать в выходной костюм, — сказал он, уверенный, что Лидия его поймет.

Она засмеялась, и смех ее был светел, как апрельское солнце. Эшер запомнил этот смех, как запомнил он сырой туман, встающий над лугами Черуэлла, или неземную нежность голосов, плывущих майским утром с башни Модлин-колледжа, напоминая отдаленное пение ангелов. Он хранил эти воспоминания в тайном уголке сердца, как мальчишка хранит свои сокровища в коробке из-под ботинок с тем, чтобы вызвать их в памяти где-нибудь в Китае или посреди вельда, если дела пойдут совсем уж скверно. Лишь несколько лет спустя он понял, что смех Лидии и солнечный свет, играющий в ее волосах, были драгоценны ему вовсе не как символ мирного времени преподавания и учебы, когда человек играет в крокет с юной племянницей своего декана, а просто потому, что он уже тогда был отчаянно влюблен в эту девчонку. Когда же он это наконец понял, сердце его было разбито...

Теперь годы ученых трудов, покоя и счастья отлетали от него, как раздуваемая ветром университетская мантия. Эшер двинулся вниз по узкой улочке, минуя ряд кирпичных строений с плоскими фасадами, туда, где начинался лабиринт глухих переулков.

Если с ней хоть что-нибудь случится...

Из переулка позади домов Эшер мог видеть горящий в его кабинете газовый рожок, но туман и кружево портьер не давали возможности различить что-либо еще. По Холиуэлл-стрит прокатил экипаж. Цокот копыт и звяканье упряжи огласили вымощенное булыжником кирпичное ущелье. В глубине влажного серого сада широкое окно кухни светилось как подготовленная к действию сцена. Горел единственный рожок над плитой — большое стекло давало достаточно света вплоть до наступления сумерек. Следовательно, все произошло не позже семи...

Что — все? Несмотря на холод и предельную сосредоточенность, Эшер слегка усмехнулся, представив себя штурмующим собственный дом подобно Робертсу, освобождающему Мэйфкинг. И все с тем, чтобы найти записку: «Отец болен, ушла его навестить, слуг отпустила на ночь. Лидия».

Однако вся беда в том, что его жене (а Эшера до сих пор поражала мысль, что Лидия, несмотря ни на что, все-таки стала в итоге его женой) небрежность была свойственна в той же степени, как ему робость. Да она бы никогда не отпустила миссис Граймс и обеих служанок, не говоря уже о кучере Майке, не распорядившись предварительно об ужине для мужа. И уж обязательно бы известила его, послав кого-нибудь в колледж с запиской об изменившихся планах.

Но вся эта логическая цепь, в течение доли секунды выстроившаяся в мозгу Эшера, была ему, в сущности, не нужна. За годы скитаний он слишком хорошо научился распознавать запах опасности, а теперь дом буквально разил его.

Держась лоз, оплетавших садовую стену, и помня о зияющих чернотой окнах второго этажа, он добрался до кухонной двери.

Большинство молодых людей, которым Эшер преподавал филологию, этимологию и сравнительный фольклор в Новом

колледже (хотя фактически не таким уж он был и новым — заведение основали примерно в середине четырнадцатого столетия), относились к своему ментору с преувеличенным уважением, с каким обычно относятся к чудаковатому дядюшке. Сам он не разрушал их иллюзий, подыгрывая питомцам в силу привычки; кроме того, этот образ не раз выручал его за границей. Эшер обладал расчетливо неброской внешностью и на первый взгляд казался ниже собственного роста. Лидия определяла его облик одним словом — «коричневый». Коричневые волосы, коричневые глаза, коричневые усы, коричневая одежда и коричневая физиономия. Сняв университетское одеяние, он был бы вылитый клерк, если бы не острый взгляд и бесшумность движений. Старшекурсники наверняка сочли бы совпадением, что их преподаватель оказался в наиболее тенистой части сырого сада, став почти невидимым в своей черной шапочке и древнем наряде оксфордского ученого, скрывающем твидовый костюм. Определенно им бы и в голову не пришло отнести его к разряду людей, способных вскрыть окно с помощью ножа, ни тем более к разряду людей, носящих подобное оружие спрятанным в ботинке.

В кухне было пусто, холодно, пахло сырыми каменными полами и давно остывшей золой. Ни струйки пара над резервуаром для горячей воды на плите — новомодной американской штукковине из черного железа, сделанной в стиле рококо и обошедшейся чуть ли не в двадцать пять долларов (по каталогу). Мягкий газовый свет, мигающий на никелевых ручках плиты и на серебряной подставке для тостов, делал тишину кухни еще более зловещей, словно улыбка маньяка, прячущего за спиной топор.

Редкий преподаватель Оксфорда знает что-либо о кухне в собственном доме. Многие из них ни разу не переступали порог, отделяющий людскую от той половины дома, где обитают хозяева. Эшер положил себе за правило не только изучить точ-

ное расположение помещений (он мог бы пройти сквозь них с завязанными глазами, не задев при этом мебели, как, кстати, сквозь любую комнату в своем доме и сквозь любой кабинет в колледже), но он еще точно знал, где что лежало. Знание таких вещей давно вошло у него в привычку. За несколько лет он взял и не положил потом на место один-единственный предмет. Найдя ящик, в котором миссис Граймс держала ножи (тот, что он прятал в ботинке, был маленький — на крайний случай), Эшер двинулся к арочному проему мимо плиты, отделявшей кухню от кладовой. И все время его не оставляла уверенность, что кто-то в доме прислушивается сейчас к его тихим шагам.

Миссис Граймс, Элен и девчужка Сильвия — все были в сборе. Они сидели вокруг стола — живая сцена, что-то вроде композиции из музея восковых фигур мадам Тюссо, — замерев в ровном, слабо мерцающем свете стального газового рожка над плитой.

«Не хватает только бутылки с ядом на столе, — с кривой усмешкой подумал Эшер, — да плакатика: БЕЗУМНЫЙ ОТПРАВИТЕЛЬ НАНОСИТ УДАР».

Однако бутылки не было, равно как и чайных чашек и вообще каких-либо свидетельств еды или питья. Единственной вещью на столе была чашка с наполовину перебранным рисом.

Изучая тощую фигуру кухарки, пышные формы горничной и сутулые плечи девчужки, Эшер вновь почувствовал озноб при мысли, что кто-то знает о его присутствии и вслушивается в каждый его шаг. Все три женщины были живы, но что-то зловещее было в их странном сне. Они напоминали сломанных кукол, которым не грозит ни судорога, ни случайная потеря равновесия.

Стало быть, он был прав, почувствовав неладное.

Кроме кухни свет горел только в его кабинете, и именно там, в ящике конторки, Эшер хранил свой револьвер — американский морской кольт. Понятно, что лектору-филологу

было бы неловко носить его в кармане пальто. Это неминуемо вызвало бы ненужные толки среди преподавателей.

Из кухни он пробрался к лестнице черного хода. Сквозь неприметную дверцу в дальнем конце прихожей он убедился, что на парадной лестнице его никто не поджидает. Впрочем, это еще ни о чем не говорило. Дверь наверху встретила его зияющей черной пастью. Из кабинета на ковер падала полоса тусклого золотистого света, похожая на брошенный шарф.

Осторожно ступая, он двинулся вдоль стены. Наклонив голову, заглянул в кабинет. Диван был передвинут так, чтобы сразу попасть в поле зрения. На зеленых подушках лежала Лидия. Ее распущенные волосы свисали рыжими кольцами, почти касаясь пола; рука, лежащая на груди, сжимала очки. Все выглядело так, словно Лидия только что сбросила их, решив дать на секунду отдых глазам. Лицо спящей казалось особенно тонким и незащищенным. Лишь слабые движения маленькой груди под дымчатым кружевом вечернего платья говорили о том, что Лидия еще жива.

«Ловушка», — подумал Эшер.

Кто-то ждал, что, увидев жену, он не раздумывая кинется к ней. И, видит бог, он был близок к этому...

— Входите, доктор Эшер, — послышался тихий голос из янтарно освещенной библиотеки. — Я один. Фактически в доме больше никого нет. Молодой человек, что работает у вас на конюшне, спит. Слуги, как вы изволили заметить, тоже. Я сейчас сижу за вашей конторкой (она стоит на прежнем месте) и не собираюсь причинять вам сегодня вреда.

«Испанец, — машинально отметил Эшер. — Говорит бегло, без акцента, но все равно испанец...»

Филолог и бывший полевой агент напрягал слух, вникая в это странное, чуть ли не деревенское произношение: то и дело следы изолированного «а», придыхательное «е» в конце некоторых слов...

Он открыл дверь до конца и шагнул в помещение. Молодой человек, сидящий за конторкой Эшера, поднял глаза от деталей разобранного револьвера и наклонил голову в знак приветствия.

— Добрый вечер, — вежливо сказал он. — По причинам, которые вскоре станут вам понятны, давайте обойдемся без формальностей объяснения и для начала представимся.

Едва уловимое округление дифтонга «оу», смещенное ударение в слове «вскоре» — в каком-то дальнем уголке мозга были тревожные колокола чисто научного любопытства.

«Да перестань же ты быть филологом хоть сейчас!..»

— Мое имя, — продолжал молодой человек, — дон Симон Ксавьер Христиан Морадо де ла Кадена-Исидро, и я имею честь принадлежать к тем, кого вы называете вампирами.

Эшер молчал. Возникшая было мысль сгинула, не прояснившись, оставив после себя белую пустоту.

— Вы мне верите?

Эшер понял, что стоит, набрав полную грудь воздуха, и выдохнул. Взгляд его устремился к Лидии. Фольклорные источники то и дело упоминали о так называемых истинных вампиров, бродящих по ночам и продлевающих свою жизнь с помощью девичьей крови. Воротник платья был распахнут, и Эшер ясно видел белую нежную кожу на горле жены. На бежевом тонком кружеве — ни пятнышка. Тогда взгляд его снова обратился к Исидро, в голосе которого он чуть ли не с первых фраз уловил непоколебимую убежденность сумасшедшего. И все-таки, взглянув на изящного юношу, расположившегося за его конторкой, Эшер снова почувствовал, как от шеи по спине ползут мурашки, словно он наклонился над краем утеса...

Имя — испанское, но сам белокурый... Видимо, из северных провинций, куда мавры так и не добрались. Тонкие черты лица, благородный нос идалго; бесцветные волосы, нежные, как шелк, как паутина; и прическа скорее женская, нежели мужская. Глаза тоже удивительно светлые — бледный янтарь, ис-

пещренный коричневыми и серыми крапинками. Такие глаза могли бы напоминать кошачьи, но вот почему-то не напоминали. Странное свечение было в них, некое неуловимое мерцание — даже сейчас, в газовом освещении, — и это почему-то сильно беспокоило Эшера. На фоне черного бархатного воротника тонкое лицо пришельца поражало мертвенной бледностью и неподвижностью — жили одни лишь глаза.

По собственному опыту, почерпнутому в Германии и России, Эшер знал, что такая бледность обычно предшествует обмороку, особенно при включенном газе. Желтоватые, мрачно мерцающие глаза вполне могли принадлежать сумасшедшему или наркоману. Но была еще одна жутковатая черта в доне Симоне Исидро: полная его неподвижность, словно он сидел за этой конторкой вот уже несколько столетий, выжидая...

Не спуская глаз с испанца, Эшер опустил на колени, чтобы пощупать пульс Лидии. И тут наконец понял, что именно тревожило его в этой странной, с необычными модуляциями речи. Понял и похолодел.

Произношение окончаний некоторых слов было свойственно жителям районов, лингвистически изолированных приблизительно с конца семнадцатого столетия.

Кроме того, дон Симон Исидро, казалось, набирал дыхание лишь перед тем, как произнести что-либо.

С ножом в левой руке Эшер поднялся на ноги.

— А ну-ка подойди, — сказал он.

Исидро не пошевелился. Его тонкие руки по-прежнему лежали неподвижно, мертвенно-белые на фоне синеватых стальных частей разобранного револьвера, но это была неподвижность паука, чувствующего малейшую вибрацию паутины.

— Видите ли, не так-то легко скрыть нашу сущность, особенно если некоторое время обходиться без питания, — мягко пояснил он. Тяжелые веки опустились как бы в дремоте, скрывая циничное насмешливое мерцание глаз. — Лет девяносто

назад все было просто: при свечах кто угодно выглядел бы не хуже других. Но теперь дома начинают освещать с помощью электричества, так что даже и не знаю, как нам быть.

Должно быть, Исидро встал. И самое страшное было в том, что Эшер не видел, как это случилось. С ножом в руке Эшер шагнул вперед, чтобы оказаться между спящей Лидией и конторкой. Затем он почувствовал, как ледяные пальцы сомкнулись на запястье... и нож исчез.

Шок и потеря ориентации, словно его окунули вдруг в ледяную воду... Дон Симон бросил нож на конторку, присоединив его к рассыпанным частям непригодившегося револьвера, и с иронической улыбкой повернулся к Эшеру, чтобы предъявить ему пустую руку.

Эшер потряс головой, во рту было сухо. Ему уже случалось однажды (в германской археологической экспедиции в Конго) имитировать собственную смерть с помощью жгута, хотя в Индии он видел факиров, умевших временно умирать и без приспособлений. Он попятился, бессмысленно прокручивая в мозгу похожие друг на друга легенды, собранные им за время научных исследований, и двинулся к конторке жены.

Она располагалась напротив его собственной — секретер времен Регентства, служивший матери Лидии как хранилище пригласительных билетов с золотым обрезом и тонко продуманных списков, где кому сидеть за обедом. Теперь секретер был завален грудой книг, заметок и статей о гландах. С тех пор как Лидия получила ученую степень и занялась исследованиями в Рэдклиффском лазарете, Эшер не раз обещал заказать ей настоящий письменный стол.

В одном из малых отделений секретера лежал, свернувшись, как змея из резины и стали, стетоскоп Лидии...

Руки Эшера слегка дрожали, когда он снова отправил стетоскоп в его гнездышко. Кровь толчками двигалась в венах. Однако голос его остался ровным.

— И чего же вы хотите?

— Помощи, — сказал вампир.

— ЧТО?

Эшер уставился на вампира, и, судя по изумлению, мелькнувшему в глазах Исидро, выглядело это довольно глупо. Эшер все еще пытался осмыслить то, что он недавно услышал (а точнее сказать — не услышал) с помощью стетоскопа, но последняя фраза мрачного хищника из легенд, присущих каждой культуре, поразила его не меньше, чем сам факт существования вампиров.

Бледные глаза изучали его. Неподвижные, бесстрастные, невероятной глубины глаза. Несколько секунд Исидро молчал, как бы размышляя, сколь многое он имеет право сейчас рассказать. Затем сделал движение — невесомое, грациозное, бесшумное, как пролет тени, — и оказался присевшим на углу конторки. Длинные белые руки обхватили облитое серой материей колено (отличная портновская работа!), голова чуть склонена набок. Что-то гипнотическое было в этом молчании: ни нервных жестов, ни мимики, словно вся свойственная людям суетливость была вымыта из Исидро неспешным течением лет. Затем дон Симон сказал:

— Вы доктор Джеймс Клаудиус Эшер, автор «Языка и концепций в Восточной и Центральной Европе», преподаватель филологии в Новом колледже, специалист по языкам и их метатезам в фольклоре от Балкан до Порт-Артура и Претории...

Эшер не поверил ни на секунду, что Исидро по чистой случайности назвал три горячие точки, подробнейшие карты которых министерство иностранных дел требовало в свое время особенно настойчиво.

— Уверен, что уже в силу профессии вы должны быть знакомы с вампирами.

— Да, разумеется. — Эшер оперся рукой на диван, где, погруженная в противоестественный сон, лежала Лидия. Он